

ВАШ ВЫХОД, РЕЖИССЕР!

В Центральном Доме актера начал работу дискуссионный клуб творческой секции. Одно из заседаний было посвящено проблемам молодой режиссуры на примере работы двух молодых режиссеров.

Два года назад управление культуры Моссовета и Московский горком КПСС пригласили этих режиссеров на самостоятельную работу в драматический театр имени Станиславского. И вот их первые спектакли. Анатолий Васильев поставил «Первый вариант «Бассы Железновой». Борис Морозов — пьесу молодого литовского автора С. Шальтыниса «Брысь, костлявая, брысь!». А. Васильев взял раннюю

редакцию известной пьесы (хотелось представить на сцене молодого Горького), дерзкой и яростной, где через крушение одного дома, одной семьи показан крах старого мира. В его спектакле горечь за людей переплетается с беспощадной насмешкой, а жестокая правда жизни выражена прежде всего в характерах — странных, неповторимых, очерченных резко и смело. И на той же сцене — лирический, с легкой дымкой грусти спектакль Морозова, где сны, видения, воспоминания парнишки из литовской деревни проходят в форме почти фантастической, по законам праздничной театральности...

ло видно актеров в театре Станиславского, а теперь видно. Значит, эти двое — Васильев и Морозов — сделали так, что актеров стало видно. Вроде они и отвлекают нас все время, а актеров видно.

Самое главное: должны быть третий, четвертый и пятый спектакли.

А. ВАСИЛЬЕВ, режиссер. Вообще-то мне 37 лет, я уже немолодой. Тут прозвучало слово о моем последнем спектакле — нервный. Что ж, я знаком с режиссурой своего поколения. Это свой, действительно нервный язык, другая сценография. Мы идем за Александром Вампиловым, за ним пошла новая драматургия и другая режиссура. Думаю, если бы действительно группа молодых режиссеров вместе с группой молодых драматургов явилась на московской сцене, это принесло бы пользу театру.

Л. СУХАРЕВСКАЯ, актриса театра имени Маяковского. Спектакль «Брысь, костлявая, брысь!», по моему мнению, цельный, гармоничный спектакль. И с блестящим актерским составом. Я хотела бы играть в этом спектакле. Клянюсь его режиссеру, приветствую их театр и думаю с надеждой, что теперь тут что-то начнется.

Ю. РЫБАКОВ, режиссер. Мы заканчиваем дискуссию. Думаю, примирить некоторые точки зрения, прозвучавшие тут, трудно. Но даже те, кто выступил с критикой работ молодых режиссеров, не отрицают значения их спектаклей, их театральной новизны. Убежден, лучшим способом решения внутритеатральных вопросов было и остается качество спектаклей. Не мешает прислушаться не только к похвалам, но и к замечаниям, которые прозвучали. Отмахнуться от них и замкнуть себя в надуманной сфере только одного какого-то поколения, мне кажется, вообще непродуктивно. Как бы ни были различны поколения, какие бы особые черты ни были присущи каждому из них, они — в общей цепи.

ОТ РЕДАКЦИИ

Молодые режиссеры получили театр и делают в нем первые шаги. Процесс трудный и прекрасный. Важно, что молодые существуют не сами по себе, а привлекают пристальное и заботливое внимание общественности. Свидетельством плодотворности избранного пути явилась и последняя работа Анатолия Васильева — спектакль «Взрослая дочь молодого человека» (пьеса Виктора Слакина). По общему мнению, беспорный успех театра имени Станиславского.

Ю. РЫБАКОВ, критик. Таланты представляют собой общую ценность. Вот степень этой ценности на примере работы двух молодых режиссеров и хотелось бы сегодня выяснить. Хорошо, если бы в результате наших дискуссионных рассуждений возник портрет режиссерского поколения, которое сегодня все более энергично выходит на подмостки театра.

В. ФОКИН, режиссер театра «Современник». Мне кажется, сам по себе приход режиссера в театр — уже есть проблема. Я имею в виду право на самостоятельную постановку, вопрос доверия и ответственности. Знаю примеры, когда молодые режиссеры приходят в театр и застревают там в качестве ассистентов, вторых режиссеров. Может быть, они и приобретают опыт, но нередко теряют самостоятельность. И Анатолий Васильев, и Борис Морозов прожили нелегкую жизнь, прежде чем пришли в театр Станиславского. Васильев жил в Ростове, потом ставил во МХАТе. Морозов работал в театре Советской Армии и вроде бы успешно, тем не менее своего спектакля ему там сделать не удалось. Теперь дали возможность высказаться, и это замечательно. В обсуждаемых спектаклях есть, на мой взгляд, и достоинства, и недостатки. Главное, что театр вызвал интерес. За последние годы не помню, чтобы у станции метро «Маяковская» спрашивали билеты — не в театр Сатиры, а в театр Станиславского. Думаю, это самый наглядный аргумент.

Ю. КАЮРОВ, артист Малого театра. Я не собирался выступать — это не моя профессия. Но я для себя сделал просто открытие! Открытие театра, режиссера Васильева, актеров, буквально каждого... Я увидел на сцене жизнь страшную и правдивую, увидел существование живых, невыдуманных людей. И такое напряжение! Я далеко не восторженный человек, мне далеко не все нравится, но на сей раз я был покорен.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН, режиссер. Ни для кого не секрет, что театр Станиславского был в довольно трудном положении. Я пришел на «Вассу Железнову», и мне это всецело — и человечески, и профессионально — было интересно. Во-первых, это талант-

ливо. Мы боимся этого слова, но столько есть процветающих режиссеров, и мы уважительно к ним относимся, а этот витамин на букву «Т» у них отсутствует.

Мне кажется, что появление в театре людей способных, талантливых должно становиться событием, которое требует и понимания, и защиты, и поддержки, потому что мы не избалованы режиссерскими талантами, а страдают от этого и актеры, и зрители.

А. СВОБОДИН, критик. Морозова я узнал значительно раньше, чем о нем узнали в Москве. Это было в Челябинске. Я смотрел спектакль на сцене профессионального театра, поставленный двумя любителями, братьями Морозовыми, Анатолием и Борисом. Театр был запущен, публика не ходила, а за несколько кварталов от него расположился студенческий театральный коллектив «Манекен», куда буквально ломились. И тогда отчаявшийся профессиональный театр пригласил руководителей любительского театра, и они поставили прекрасный спектакль. Анатолий Морозов и сейчас руководит театром «Манекен». Борис — в театре Станиславского.

Спектакль его меня поразило. Эту литовскую пьесу, которая напомнила мне балзакские романы по дотошности исследования драмы крестьянских характеров, можно было поставить в традициях бытового, реалистического театра, по которому, кстати, театры мира соскучились. Тем не менее режиссер прибегнул к способу, поначалу показавшемуся мне более чем странным — способу сверхвременного театра, с его многими и многими пластами. Такое ощущение, что режиссер, дорвавшись до творчества, все вложил в этот спектакль. Тут заимствования и из кино, и из цирка с его эксцентрикой, затем появился театр масок, появилась пантомима. Работа ярко экспериментальная.

Но долгий опыт театральных спектаклей убеждает, что зритель скучает, когда теряет контакт с сюжетом, с бытовой правдой, которая заложена в каждой драме. И здесь происходит пробуксовка, когда зрелище продолжается, идет какое-то бравурное действие, а сюжет не двигается, и зритель начинает скучать. В кон-

це концов, что такое режиссура? Это мировоззрение, как, кстати, и писательство. Я вижу, как в ходе спектакля режиссер, увлекшись приемом, потерял какую-то мировоззренческую мысль и в конце тоже не обнаружил ее с должной трагической силой.

Не думаю, что театр уже состоялся, я скромнее отношусь к этому успеху. Но то, что оба эти режиссера должны там работать со свободным легким дыханием, — это бесспорно.

С. КОЧАРЯН, артист. Мне кажется, не нужен ни телескоп, ни микроскоп, чтобы рассмотреть и понять, что мы имеем дело с двумя даровитыми режиссерами. Но все-таки задаю себе некоторые вопросы. Скажем, «Брысь, костлявая, брысь!» — что это такое? Что — брысь? Брысь — все отрицательное в нашей жизни, начиная от пессимизма и кончая всякой скверной. Мы добрались до этой мысли в самом конце спектакля, тогда как должны были это ощущать в течение всего спектакля, а нас отвлекали как только возможно. Мы видим талант режиссера, проявляющийся во многих звеньях. Но если звенья не сцеплены, тогда талант перестает работать на пьесу.

Что касается первого спектакля, то сколько можно хлопнуть дверью, сколько можно гулять туда и обратно по всей сцене, по диагонали и по вертикали! Мы действительно увидели много талантливых актеров. Так давайте, покажите этих актеров через внутреннее, через то, чем мы гордились, гордимся и будем гордиться!

М. ШВЫДКОЙ, критик. Я хочу говорить не только о спектаклях этих двух режиссеров, действительно талантливых и призванных заниматься режиссурой, но и об условиях, в которых складываются судьбы и их, и Левитина, и Вилькина, и других

В этих работах — страстность и активность режиссерской позиции. И в то же время отсутствие того внутреннего спокойствия, которое необходимо режиссеру. В теории мы хотим, чтобы было много разных режиссеров, чтобы они пробовали, искали. Но на практике боимся этого как огня.

Вот, говорят, раньше не бы-